

МИХАИЛ СЕРЕГИН

ПОЛЕТ НОЧНОЙ БАБОЧКИ

ПУТАНА

ЭКСМО

Михаил Георгиевич Серегин

Полет ночной бабочки

Серия «Путана»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167357

М.Серегин Путана: Полет ночной бабочки: Эксмо; Москва; 2002

ISBN 5-699-01256-7

Аннотация

Когда убивают клиента в постели с проституткой, подозрение автоматически падает на нее. Светкина подруга оказалась в руках ментов в качестве подозреваемой. Чтобы вызволить подругу из беды, Светка предложила свои услуги. Правда, совсем не те, что предлагала обычно. Она решила внедриться в банду, в ряды которой входил убитый. Теперь Светка просто обязана найти убийцу и сдать его ментам...

Содержание

1	4
2	24
3	36
4	44
5	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Михаил Серегин

Путана: Полет ночной бабочки

1

Я выбралась на улицу покурить. Все тело ломило после очередного сеанса любви, а в животе бурлил выпитый наспех кофе. Затянулась горячим ароматным дымом, чувствуя, как он проникает глубоко внутрь. Боль и усталость постепенно ослабевали, становились терпимее.

Закончилась пора непереносимых в наших краях майских заморозков. Дело шло к теплу. Скоро лето, жара. А от жары у мужиков на баб слюна течет. Лето для нас, путан, тяжелая пора. С одной стороны, вроде бы заработок больше. С другой – тело-то не резиновое. Без обезболивающих не обойтись. Кто анальгин глотает, кто марихуанку покуривает, я вот кофе и сигаретами спасаюсь. Выпью чашечку натошак, покурю, и боль почти исчезает. Хорошее средство. И не такое уж дорогое.

Я еще раз глубоко затянулась, огляделась вокруг. Позади – двенадцатиэтажное здание гостиницы «Ротонда», мое рабочее место, «родной завод». Это без иронии, я там и вправ-

ду числюсь на работе – обслуживающий персонал гостиницы. Именно так записано в моей трудовой книжке. Формулировка – ни один мент не придерется. Мало ли о чем попросит постоялец. А трах по обоюдному согласию пока что ни одним законом не запрещен. И если постоялец в благодарность за полученное удовольствие дает денег, это абсолютно никого не касается.

Время от времени мне и правда приходится выполнять всякие мелкие поручения. То отнести клиенту в номер завтрак, то сделать косметическую уборку. Это как Нина Петровна скажет. Официально она старшая кастелянша. И по совместительству наша мама. Хорошая баба вообще-то, с пониманием, бережет нас, девочек. Вот только курить в гостинице не разрешает ни под каким видом. И следит, чтобы мы клиентам не позволяли курить. «У нас ведь полы войлочные, обои шелковые, искра – и может вспыхнуть пожар. Ну ладно, допустим, в номерах и правда войлок и обои, но в комнате, где мы сидим и ждем клиентов, голые стены и полы, почему же нельзя курить?»

Впрочем, спорить с Ниной Петровной бесполезно. Какую бы глупость она ни сказала, ее слово – закон.

Время позднее, близится полночь. Самая жаркая пора для путан. Сверкает огнями гостиничный ресторан, отблески огня и уличные фонари освещают пригостиничную площадь.

Из ресторана доносится музыка, особенно отчетливо слышны ритмичные удары барабана. Вокруг полно народу,

выходят-входят, курят – небольшой оживленный островок в ночном пустынном городе. Его огни отражаются в широкой водной глади. Гостиница стоит на набережной. Над рекой словно повис в воздухе дугообразный автомобильный мост.

В дальнем конце набережной показался грузовик, насколько я разбираюсь, «Зил». Припарковался, заглушил мотор, погасил светящиеся звездочки габаритных огней. Водителя я сразу узнала. Это Костя, наш постоянный клиент. Мы знаем только его имя и то, что он водит грузовик. Появляется он довольно часто, платит щедро, больше, чем мы просим. Значит, денюжки у него имеются. Видимо, водить грузовик – дело выгодное. Высокий, грузный, он идет быстрым шагом. Едва заметил меня, расплылся в улыбке. У него широкое пухлое лицо, огромные залысины на лбу, на макушке тоже плешь.

– Привет, Костя! – кричу я ему. – Что так поздно?

– Да вот, – смеется он, – только что из рейса вернулся.

– И сразу к нам?

– Ага, – он весело подмигнул мне. – Ну как дела, Светик?

Пойдем?..

– Не сейчас, – говорю я. Усталость еще не прошла. Боль в теле – тоже. – Ты заходи, Костя, там полно свободных девочек.

Кто-то кашлянул у меня за спиной. Обернулась – мой клиент, Артак, уже собирается уходить. Крепкий мужик, ничего не скажешь. После такого траха у меня все кости болят,

а он хоть бы что. Не поспал, не отдохнул – бык. А посмотришь – роста небольшого, невзрачный. Черты лица кавказские. Жмот страшный, лишнего рубля не передаст. Никогда до утра не останется, это ведь дороже. А мне еще лучше: за ночь могу найти еще одного-двух клиентов. И все-таки обидно, что тебя так презирают.

– Уже уходишь, Артак? – спрашиваю.

Артак не отвечает, даже не смотрит на меня, я для него – пустое место: мужики такие. Перед трахом он вон какой добрый, ласковый, слова всякие лепечет, руки целует, прямо хоть кино снимай. А получил свое, и уже не нужна.

– Вот он, разбойник! Бессовестный шакал! – воскликнул Артак, завидев Костю. Ругался не в шутку, по-настоящему, злобно, с ненавистью. Но кавказский акцент и невзрачная фигура производили столь комичный эффект, что я не удержалась и прыснула в кулак.

– Ты что, Артак? – Костя ухмыльнулся. – С бабой, что ли, опять не получилось? Так ходил бы сюда пореже.

– Придержи свой поганый язык! – заорал Артак. – На себя посмотри! Того и гляди помрешь с перетрашу.

– Помру, не твоя печаль. Ты-то какого хрена психуешь?

– Какого хрена? Он еще спрашивает. А кто у меня сегодня клиента увел?

– Не понял.

– Не понял? Ты у меня уже в третий раз из-под носа клиента уводишь. Ведь я с ним договорился.

– А мне что за дело?

Костя выглядел страшно довольным.

– Я подошел, спросил, куда ехать, что везти. Мы сели, поехали. Разве моя вина, что вас, черных, у нас не любят?

– Это кто черный, ты, дятел лысый?! Еще раз так скажешь, я тебе уши отрежу.

Я бросила окурок в урну и поспешила в гостиницу, оставив мужчин выяснять отношения.

Через неприметную дверь в углу гостиничного холла у входа в ресторан прошла в служебное помещение. Справа по коридору находилась кухня. Оттуда доносились звон посуды, стук ножей, аппетитные запахи. Слева – комната отдыха, где девочки проводили свободное время.

В коридоре я заметила Ольгу. Она как раз выходила из кухни с пачкой сигарет и зажигалкой. Ольга числилась официанткой, но на деле была, как и мы, путаной и только для вида носила форму официантки.

– Оля, там твой Костя приехал.

– Да? Ой! – она засуетилась, стала снимать фартук.

Вместе мы вошли в комнату отдыха, довольно просторную в отличие от остальных служебных помещений. Вдоль стен стояли диваны, посередине – квадратный стол с кофейными чашками, приборами и разбросанными журналами. Обычно здесь сидели несколько девочек, но сейчас мы застали только Юльку – час ночи, время горячее, все при деле.

– А где он сейчас? – спросила полушепотом Оля.

– У входа, – тоже вполголоса ответила я. – Они там с Артаком поцапались.

– Девочки, сейчас очередь Юли! – раздался певучий голос Нины Петровны.

Ясновидящая она, что ли? Каким образом догадалась, о чем мы говорим?

Нина Петровна неожиданно появилась на пороге. Это была высокая дородная дама бальзаковского возраста с ухоженным лицом, властная и решительная. Наша мама, благодетельница, защитница, а ино-гда – строгая воспитательница.

– Ну, Нина Петровна, – стала канючить Ольга.

– Нет, Оленька. Во всем должен быть порядок. Юленька! – обратилась она к сидящей неподвижно на диване Юльке. – Приготовься. А ты, Оленька, иди на кухню. Ну-ка, живо! Надевай фартук и иди!

Оля послушно взяла брошенный на диван фартук и отправилась на кухню. Нина Петровна за ней. Юлька даже не шевельнулась.

Так она сидела всегда в ожидании клиента. Сегодня даже не сняла плаща, в котором пришла. У Юльки была тяжело больна мать. Лекарства для раковых больных стоили дорого, но получить их бесплатно, как положено по закону, было невозможно, и приходилось платить. Но у Юли, студентки пединститута, таких денег не было. И она пошла зарабатывать своим телом.

С тех пор прошло полтора года. Мать Юли медленно уга-

сала, упорно и ожесточенно цепляясь за жизнь. Меня всегда интересовало, как Юля объясняет родным, откуда у нее деньги? Она редко о себе рассказывала, но я поняла, что родные ничего не знают. Считают ее порядочной, хотя и непутевой девчонкой.

Я под села к ней и спросила:

– Как дела, Юля?

– Да все так же, – ответила та равнодушно.

Когда надо было идти к клиенту, она становилась замкнутой и неразговорчивой. После траха ей хотелось выговориться, и если в этот момент я оказывалась рядом, мы подолгу беседовали. Обычно о посторонних вещах, но иногда ее словно прорывало. Она начинала рассказывать о себе, своей матери. Из этих-то редких, но очень откровенных разговоров я и знала всю ее историю. Насколько я могу судить, Юля была откровенна только со мной. Даже Нина Петровна про больную мать ничего не знала. Поэтому мы считались подругами, хотя общались только в гостинице. Домой друг к другу не ходили. Я даже фамилии Юльки не знала.

Я попыталась было выпрямить затекшую от неудобного сидения ногу, но она уперлась во что-то твердое. Нагнувшись, я обнаружила ящик с бутылками.

– Это коньяк, Артак принес, – пояснила Юлька.

– Какой Артак? – не поняла я.

– Какой-какой, твой Артак. Только что с ним трахалась.

За полтора года Юля не изменила своего отношения к

нам. Оно оставалось холодно-презрительным.

– С чего это он так расщедрился? – поинтересовалась я.

– Вот и спросила бы у него.

Нет, сегодня Юлька была злее обычного. Может быть, матери хуже? Или надоело все и нет сил больше терпеть?

– Привет, девочки!

На пороге возник улыбающийся Костя. Он у нас был настолько свой человек, что смело заходил в служебное помещение. Я глянула на него повнимательнее и не могла не усмехнуться. Его плащ был распахнут, одна пуговица оторвана. Значит, с Артаком они все-таки схватились.

– Ну что, Светик? – спросил он, улыбаясь. – Идем?

– С тобой Юлька пойдет, – ответила я дружелюбно. По-человечески Костя был мне симпатичен.

– О, Юлька, – Костя довольно рассмеялся. – Холодная, как айсберг, но в душе бушует океан страстей.

Юлька поморщилась. Костя подошел к ней, сел рядом, обнял за плечи – я думала, она вырвется и даст ему по физиономии. Однако это было строгойше запрещено Ниной Петровной, поэтому Юлька сидела неподвижно, как статуя. Но эта холодность, похоже, возбуждала Костю.

– Костя, ты с Олей не встретился? – спросила я.

– А ну ее на фиг, надоела она мне.

– Так, что здесь происходит? – раздался с порога голос Нины Петровны.

Костя вскочил с дивана, пошел ей навстречу.

– Нина Петровна, дорогая! – Костя подобострастно улыбнулся. – Как ваше драгоценное здоровье?

– Мое здоровье вас совершенно не касается. Во-первых, позвольте узнать, почему вы сюда зашли?..

– Чтобы засвидетельствовать свое почтение дорогой Нине Петровне.

– А во-вторых, – продолжала Нина Петровна, повысив голос так, что в ушах звенело, – когда вы выплатите нам долг?

– Да бог с вами, Нина Петровна, – захихикал Костя, – какой еще долг?

– За испорченную постель! За поврежденный пол. Вы каждый раз что-нибудь портите в номере: то постель коньяком зальете, то дыру прожжете сигаретой.

– Это не я!

– Но бывает это именно после вас. Когда вы возместите нам ущерб?

– Никогда. – Костя нагло улыбнулся, глядя Нине Петровне прямо в лицо.

– Тогда мы включим счетчик.

– А я нажалуюсь в милицию. Скажу, что ваши девочки меня изнасиловали и лишили невинности. И «ЗиЛ» мой хотели угнать покататься. Только сцепление выжать сил не хватило.

– Мы вас больше не пустим сюда!

– Поищу приюта в другой гостинице.

– Я постараюсь, чтобы вас никуда не пустили!

– Тогда я приглашу Светку прямо в машину. Как, Света?

Пойдешь? Ты не бойся, в «Зиле» кабина просторная. Там целый гарем поместится.

Я едва сдерживалась, чтобы не рассмеяться. Боялась Нину Петровну.

– Слишком вы умный, – сказала Нина Петровна. – Только знаете, что с такими умными бывает?

– Они счастливо живут до глубокой старости и умирают, окруженные толпой безутешных детей, внуков и правнуков... Ладно, хорош орать, мать! – сказал вдруг Костя угрожающим тоном. Мне даже стало не по себе. – Достала ты меня сегодня. Прилепилась, как банный лист к одному месту. Или ты думаешь, что, кроме вашей хреновой «Ротонды», в городе девочку негде снять?

Он расхохотался зло и цинично. Шокированная, Нина Петровна замерла, разинув от удивления и ужаса рот.

– Да ну вас всех на хрен, – бросил Костя сердито. – Своим нытьем все настроение испортили. – Он нервно прошелся по комнате, остановился перед Ниной Петровной и рявкнул во все горло:

– Ну не стой, как дура. Веди меня в свои номера. Зря, что ли, я деньги заплатил?

Нина Петровна вздрогнула, побледнела, пролепетала испуганно:

– Нет-нет, пожалуйста, проходите. Ваш номер семьсот тридцать восемь. – И повернулась к Юле: – Юленька, поднимайся наверх!

Не успели Костя и Нина Петровна выйти из комнаты, как на пороге появилась Ольга.

– Костя! – лицо ее озарила робкая улыбка.

– Фу ты, блин, эта еще! – с досадой воскликнул Костя. – Да иди на фиг, надоела.

Он грубо оттолкнул девушку и выбежал из комнаты. Нина Петровна последовала за ним. Юля поднялась, сбросила плащ и не торопясь вышла. Мы остались с Ольгой вдвоем. На глазах у нее блестели слезы.

– Чего это он так? – спросила она наконец. – Что здесь вообще произошло?

– Да поцапались опять, – ответила я. – Нина Петровна в который уже раз пристала к нему со своими простынями, ну а Костя послал ее, куда следует.

Вид у Ольги был несчастный, и мне стало ее жаль, хотя я считала, что ведет она себя глупо. Ольга была по уши влюблена в Костю – во всяком случае, так она сама говорила. Костя был у нее первый. Когда чуть больше полугода назад она попала к нам, в первую же ночь ей достался именно он. Оля утверждала, что до него у нее никого не было, и это походило на правду: Нина Петровна вопила на всю гостиницу о перепачканных кровью простынях, Оля рыдала, а Костя смеялся как полоумный: то уверял, что больше такого не повторится, то – что Нина Петровна сама виновата. Новоприбывших девочек надо показывать гинекологу.

Ольга для Кости значила не больше, чем остальные девоч-

ки, обслуживавшие клиентов, но сама она была уверена, что он женится на ней, надо только ждать.

Вспоминая самодовольную, наглуую физиономию Кости, я только плечами пожимала: надо быть ненормальной, чтоб всерьез верить в такое. И потом, Оля о Косте ничегошеньки не знает. Даже фамилии. С чего, собственно, она решила, что Костя не женат? Здесь все зависит от темперамента. Иные, женившись, продолжают ходить к нам по старой памяти. Так что у Ольги не было никаких оснований надеяться. Тем более что с каждой встречей Костя обращался с ней все хуже и хуже. Чем больше она к нему приставала, тем раздраженнее и злее он становился.

Ольга сидела на диване с несчастным видом, уставившись в пол. Мне стало жаль ее.

– Не расстраивайся, – постаралась я утешить девушку, – может, в следующий раз он тебе достанется.

Но я знала, что скорее Государственная Дума утвердит почетное звание «Заслуженная путана Российской Федерации», чем Нина Петровна позволит Ольге сойтись с Костей. Мамочка в присутствии всех девочек неоднократно заявляла, что в нашем деле никаких сентиментальностей, никаких романов быть не должно. Да и Костя попросту выгонит ее, попросит другую девочку, если Ольга случайно ему достанется. Ольга это знала, но с благодарностью выслушала слова утешения.

Нина Петровна вошла в комнату, как всегда, внезапно.

– Так, Оленька, а ты почему здесь? Твое место на кухне. Пойдем-ка со мной. – И Нина Петровна увела Ольгу.

С кухни она возвратилась с подносом, на котором стоял небольшой стакан.

– Света, подай мне бутылку, из тех, что Артак подарил.

Не глядя, я сунула руку в ящик, вытащила первую попавшуюся бутылку и поставила на стол.

– Не пойму, – сказала я, – для чего Артак притащил целый ящик коньяка? Что, у нас в ресторане его нет?

– Это я велела ему принести, – ответила Нина Петровна, – последний раз он постель сигаретой прожег.

– А зачем нам коньяк, – спросила я, – если он есть в ресторане?

– За ресторанный коньяк идет выручка в ресторан. А за этот – нам. Клиенты время от времени просят чего-нибудь выпить. Вот как Костя сейчас. А цена у нас за бутылку договорная.

Нина Петровна никак не могла открыть бутылку.

– Так, Света, сходи-ка на кухню, принеси нож.

Я пошла. Но когда вернулась, бутылка была уже открыта, стояла на подносе, а рядом с ней – стакан.

– Отнеси это в семьсот тридцать восьмой, – сказала мамочка и величественно выплыла из комнаты.

Я пошла на кухню, чтобы вернуть нож, а когда пришла обратно, увидела Ольгу. Она держала в руках стакан.

– Ой, Света, я...

Я кивнула, сразу догадавшись, в чем дело. Край стакана был в Ольгиной помаде. Я махнула рукой. Пусть делает, что хочет.

– Слушай, Светка, может, в темноте он не заметит, что стакан в помаде?

– Едва ли они будут пить в темноте, – заметила я.

Но Ольгу мое замечание ничуть не смутило.

– А это точно его стакан? – спросила она. – Может, Юлька тоже будет пить?

– Юлька не пьет. Ты же знаешь. – Я пожала плечами. – Здоровье бережет.

– Ну да, коньяк...

– Давай, Ольга, я схожу – а то Костя беситься начнет, что коньяк не несут.

Я взяла у Ольги стакан, поставила на поднос и отправилась в номер семьсот тридцать восемь. У лифта огляделась и, заметив, что поблизости никого нет, поставила поднос на невысокий журнальный столик возле окна, вытерла стакан и вошла в лифт.

Я поднялась на седьмой этаж. В гостинице было тихо и безлюдно.

Выйдя из лифта, столкнулась нос к носу с Дашей, уборщицей, всего неделю назад поступившей к нам на работу в гостиницу. На вид ей можно было дать и восемнадцать, и тридцать лет. Фигура супермодели, прямые, как палки, длинные ноги. Когда она пришла, я подумала, что ее нашла Нина Пет-

ровна для обслуживания клиентов, но поняла, что ошиблась, когда случайно подслушала разговор Даши и Нины Петровны. Наша мама настойчиво уговаривала ее пойти в номер к клиенту. Но Даша встала в позу оскорбленной невинности и отказалась, причем с театральным пафосом и в таких выражениях, что мне стало жаль Нину Петровну, неправильно понявшую Дашу.

А что, собственно, я стала бы думать на месте Нины Петровны? У Даши была не только фигура супермодели. Весь ее вид говорил о том, что она искушена в деле любви, как валютная столичная проститутка. Спрашивается, зачем такой бабе работать уборщицей?

Над этой загадкой мы с девочками целую неделю тщетно ломали голову. К обязанностям своим она относилась добросовестно. Постоянно торчала в гостинице, особенно по вечерам, хотя уборку удобнее делать днем, когда постояльцы обычно отсутствуют.

– Даша, а ты что тут делаешь? Ведь у тебя третий и четвертый этажи.

– Меня попросили убрать здесь сегодня, – ответила она недовольным тоном. – Как хорошо, что я тебя встретила! Помоги мне, пожалуйста! У меня что-то пылесос заело.

– Что заело? – не поняла я.

– Не знаю, почему-то пылесос не сосет.

– Подожди, – сказала я, – только коньяк в номер отнесу.

– Ой нет, пойдем сейчас. Ничего твоему клиенту не сде-

лается.

Это была наглость, но Даша не отступала, и я сдалась. Поставила коньяк на столик у лифта и отправилась следом за Дашей.

– А не слишком поздно сейчас пылесосить? – удивилась я.

– Да днем, понимаешь, времени не было.

И снова мне показалось, что мой вопрос неприятен Даше.

Мы вошли в номер, в открытую дверь тянулся шланг. Пылесосы у нас не автономные, как в обычной квартире, а один большой на всю гостиницу. Внизу в подвале стоит компрессор. От него тянутся трубы ко всем этажам, выходя в коридор через специальные отверстия в стене возле самого пола. К отверстию присоединяется толстый шланг, другой его конец мы тянем в номер. С его помощью высасываем оттуда всю пыль и мелкий мусор. Устройство примитивное, шумное, зато действенное. Ни один домашний пылесос не сосет пыль с такой силой, как наш компрессор.

Войдя в номер, я увидела конец шланга, лежащий на полу, и по тишине поняла, что компрессор выключен. Отправилась к другому концу, тому, что присоединяется к отверстию в стене. Тот беспомощно лежал рядом с отверстием, не подсоединенный.

– Да ты его не подсоединила, – воскликнула я, опускаясь на корточки и закрепляя шланг. – Ну вот, теперь иди включай компрессор. – И я собралась уходить.

– Ой, Светочка, – воскликнула Даша, – а ты не могла бы

побыть пока в номере? А то я включу компрессор, шланг начнет биться, испортит что-нибудь. Пожалуйста.

Я махнула рукой и вошла в номер. С дурью она, что ли? Мало того что собралась пылесосить в час ночи, так еще просит, чтобы ей подержали шланг, будто он начнет биться, как у пожарной машины.

Ждать пришлось долго, Даша куда-то запропастилась. Шланг по-прежнему бездействовал. От скуки я стала глазеть по сторонам и вдруг с удивлением обнаружила, что номер, где я нахожусь, нежилой, никаких следов присутствия постояльцев. Зачем же его пылесосить? Тем более ночью?

Даша наконец-то появилась. Вид у нее был смущенный, но очень довольный.

– Знаешь, Светка, – сказала она беспечно, – он почему-то не включается, этот компрессор.

Я вздохнула. Ну и дура же!

– Конечно, не включается. Электрик выключил его на ночь. Там, внизу. Завтра придет, включит, и сможешь пылесосить.

Я вышла из номера. Подхватила поднос и отправилась в семьсот тридцать восьмой номер.

Костя встретил меня бранью.

– Ну куда вы все подевались? – сказал он злобно и раздраженно. – Деньги взяли, а коньяк полчаса ждать приходится.

Он стоял голый посреди комнаты, ничуть не стесняясь меня. Юля лежала в постели, закутавшись в одеяло, уставив-

шись в потолок.

– И зачем целую бутылку? Я что, налакаться в доску хочу? Я же просил рюмку.

– Что мне сказали, то я и принесла, – ответила я невозмутимо. Не хотелось вмешиваться в ссору Кости с Ниной Петровной.

– Вообще, блин, охренели, – не унимался Костя. – Ладно, поставь сюда. – Он указал на столик возле кровати. – И дверь за собой захлопни.

Уже в прихожей я услышала, как Костя наливает коньяк в стакан.

Я спустилась вниз, в нашу комнату отдыха. Она была пуста, все девочки остались со своими клиентами до утра. Меня одну Артак выгнал среди ночи, и теперь надежды найти нового клиента оставалось все меньше и меньше.

Я не скучала: пришла Ольга расспросить о Косте, но тут появилась Нина Петровна и опять спровадила ее на кухню. Затем притащилась Даша. Шизанутая девочка, видимо, решила испытать мое терпение. Сначала поинтересовалась, чей это плащ на диване, и, узнав, что Юлькин, подняла его и аккуратно свернула. Затем предложила мне пойти перекусить. Я отказалась. Она стала уговаривать: «Ну, пожалуйста, хотя бы мороженое и кофе». Пришлось пойти. На кухне мы взяли по порции мороженого и вернулись в комнату. Даша не унималась:

– Ой, мы ложки забыли. Принеси, пожалуйста. А я пока

сварю кофе.

Я пошла за ложками. Вернувшись, помогла ей варить кофе. Наконец мы сели за стол, но тут в комнату ворвалась Нина Петровна.

– Света, поднимись в семьсот тридцать восьмой, там у Юльки что-то случилось.

Я удивилась:

– Что случилось? Косте одной Юльки мало, что ли?

– Не знаю, Юля говорит, с Костей что-то случилось.

– Ну так сходите сами, Нина Петровна.

– Света, делай, что тебе говорят. Я сейчас не могу к ней пойти, занята. И потом, именно тебя просили прийти.

Даша напряженно слушала наш разговор.

Пожав плечами, я вышла из-за стола, с сожалением глядя на тающее мороженое и стынущий кофе. Мне вдруг так захотелось полакомиться. Но пришлось снова тащиться на седьмой этаж.

Постучавшись в семьсот тридцать восьмой, я, к своему удивлению, услышала из-за двери робкое Юлькино «Кто?», потом «Ты одна?». Она открыла мне совершенно голая. Вид у нее был перепуганный, губы дрожали.

– В чем дело? – спросила я небрежно. – С Костей, что ли, поцапалась? Он сегодня со всеми цапается.

Но Юлька словно не слышала моих слов. Молча повела меня в глубь комнаты.

Свет ночника на столике у кровати освещал лишь узкое

пространство, оставляя большую часть комнаты в темноте. Костя лежал на спине, тоже совершенно голый. Одеяло, смятое и скомканное, валялось на полу. Костя вытянулся во всю длину кровати, голова была запрокинута, рот приоткрыт, лицо в сумеречном свете казалось серым. Глаза у него были широко открыты.

Я склонилась над ним, но он никак не отреагировал. Глаза были словно стеклянными, взгляд неподвижный. Точь-в-точь как описывают в книгах.

– Сначала все было нормально, – заявила Юлька сдавленным голосом. – Потом вдруг он стал тяжело дышать и постанывать. Потом дернулся. Рухнул на меня, захрипел. Я из-под него кое-как выбралась, на спину его перевернула. Он похрипел и затих.

Я кивнула.

– Слушай, Юля, – сказала я, – оденься. Сейчас я вызову милицию, куча народу сюда припрется.

– Милицию зачем? – вне себя от страха спросила Юля.

– Затем, что он мертв, – ответила я, кивнув на распростертое на кровати тело. – Умер прямо у тебя в постели, понимаешь? Как ты будешь все это объяснять, ей-богу, не знаю.

2

Милицейский капитан небольшого роста, круглолицый, с аккуратно зачесанными волосами, склонился над Костей и некоторое время вглядывался в его остекленевшие глаза. Потом кивнул и повернулся ко мне и Юльке.

– Ну что, – сказал он весело, – уморили мужика, красотки кабаре?

Мы с Юлькой молчали, не видя в случившемся ничего веселого.

– Похоже на разрыв сердца, – сказал, выпрямляясь, врач. – Точнее скажу после вскрытия.

– Я же говорю, с перетрашу концы отдал, – кивнул капитан, нагло глядя на нас. – Сколько раз он вас – каждую?

Юлька мрачно молчала.

– Меня ни разу, – сказала я. – Он только Юльку заказывал. Когда я пришла, он был уже мертв.

– Да, – капитан вдруг посерьезнел. – А сколько раз он тебя?.. – обратился мент к Юле.

– Ни разу не успел, – выдохнула Юлька и повторила слово в слово то, что рассказала мне.

Капитан и врач слушали с напряженным вниманием.

– Хрипел, говоришь? – переспросил врач, вновь склонившись над телом Кости. – Очень похоже на разрыв сердца. И семяизвержения не было.

– Да уж, – задумчиво протянул капитан. – Странно. Если не с перетраха, тогда почему?

Он направился в прихожую, открыл входную дверь:

– Заходите, ребята, здесь что-то нечисто, будем всерьез смотреть.

Вошли двое мужчин в кожаных куртках, с небольшими старомодными чемоданчиками в руках.

– Ну-с, – сказал капитан, – я пока вами займусь. – И он опять нагло уставился на нас. – Скажите, кроме вас троих, кто еще заходил в этот номер?

– В смысле, когда Костя его снял? – переспросила я. – Никто, насколько я знаю.

Юля едва слышно подтвердила мои слова.

– А ты, – спросил он меня, – зачем сюда пришла?

– Юлька позвонила, сказала, что-то случилось.

– Куда позвонила?

– Дежурному администратору, наверное, – я пожала плечами. – Мне Нина Петровна велела подняться наверх.

– А сама Нина Петровна сюда поднималась?

Я вопросительно посмотрела на Юлю. Та отрицательно покачала головой.

– Выходит, в номере никого, кроме вас, не было, – продолжил капитан. – Как же так? Человек окочурился, и ни у кого не возникло желания пойти на него посмотреть.

– Да очень просто, – сказала я. – Никто не знал, что он умер. Я прямо из номера позвонила в милицию.

– Да? – переспросил капитан. Потом кивнул. – Вообще-то похоже на правду. Они там внизу на нас такие глаза сделали, когда мы подъехали, заявили, что из гостиницы вызова не поступало.

– А коньяк откуда взялся? – спросил вдруг один из криминалистов.

– Коньяк я принесла.

– Он об этом просил?

– Конечно. Он всегда рюмку коньяка выпивал перед трахом.

Один из криминалистов осторожно, используя полиэтиленовый пакет, взял бутылку и стал ее разглядывать.

– Есть пальчики? – поинтересовался капитан.

– Полно, залапана вся как есть, ни хрена не разберешь, где что.

Потом он стал рассматривать бутылку на свет.

– Слушайте, – сказал он, – в пятизвездочном коньяке осадок бывает?

– Нет, – убежденно ответил судмедэксперт. – Это не вино. Коньяк должен быть чистым. А что, там осадок есть?

Криминалист молча протянул ему бутылку. Врач взял ее и тоже стал рассматривать на свет.

– Так, очень интересно.

Он достал из чемоданчика большую колбу, вылил в нее содержимое бутылки, затем тонкой стеклянной палочкой достал со дна немного осадка, поднес к глазам и тихо присвист-

нул.

– Белый кристаллический порошок, – торжественно объявил он. – На осадок никак не похоже.

– Что же это может быть? – спросил капитан.

– Да что угодно. – Врач пожал плечами. – Анализ делать надо.

Он осторожно понюхал коньяк.

– Нет, так ни хрена не поймешь.

– А может порошок явиться причиной смерти?

– Да запросто.

Капитан снова уставился на нас.

– Ну, красавицы, – сказал он, ухмыляясь, – я жду объяснений. Если в номер никто не заходил, как попал порошок в бутылку?

Мы с Юлькой растерянно переглянулись.

– Но почему именно в номере? – проговорила я наконец.

– Правильно, – рассмеялся капитан. – Яд могли подсыпать где угодно. Например, по пути в номер. А кто нес коньяк?

Он попытался заглянуть мне в глаза. Тут до меня дошло, на что он намекает. Я вскочила так резко, что капитан невольно отпрянул.

– Да пошел ты на фиг, – воскликнула я. – На хрена мне надо было его убивать.

– Не знаю, – ответил капитан весело. – Нужно подумать.

– Слушайте, – сказала я в сильном раздражении. – Этот порошок мог кто угодно подсыпать. И где угодно.

– Правильно, – сказал капитан. – Мы и будем спрашивать всех, начиная с вас двоих.

Он вдруг повернулся к врачу судмедэкспертизы.

– Вы поскорее поезжайте в лабораторию, – сказал он начальническим голосом. – И срочно определяйте причину смерти. Чтобы нам не гадать тут на кофейной гуще. Машина сейчас приедет. А вы, – он повернулся к нам, – давайте рассказывайте. Итак, вы утверждаете, что ничего в бутылку не подсыпали, да?

– А зачем нам это нужно? – возмутилась я.

– Ладно, это сложный вопрос, – сказал капитан. – Дальше, кто, кроме вас, имел доступ к бутылке?

– Да кто угодно. Нина Петровна, например.

– Это ваша мама, что ли? Понятно, еще кто?

Я задумалась. Наша гостиная тогда была пуста, даже Оля была на кухне.

– Ну вот, – сказал капитан, – говоришь, кто угодно, а кто конкретно, не называешь. Ладно, бутылку принесли из ресторана?

– Нет, – отвечала я растерянно, – бутылка наша собственная.

– Чья это собственная?

– Нины Петровны. Нам Артак целый ящик коньяка подарил. Он стоит там, внизу, в нашей комнате отдыха.

– Ну-ка, ну-ка, ну-ка! – воскликнул капитан. – Что за комната, что за ящик, что за Артак? Ну-ка пойдете, покажете

мне все.

Мы оставили врача дожидаться санитаров морга, а криминалистов – заканчивать осмотр номера. На лифте мы спустились вниз. В комнате отдыха уже было полно народу. Девочки, взбудораженные слухом о милиции, одна за другой спустились вниз в гостиную и, сидя там, теперь громко обсуждали, что в семьсот тридцать восьмом номере могло произойти.

– Привет работникам древнейшей профессии, – весело воскликнул капитан, появляясь в гостиной. Ответом ему была воцарившаяся внезапно гробовая тишина.

– Ну, – сказал капитан, – показывайте, где ящик коньяка.

Ящик стоял на прежнем месте. Пола Юлькиного плаща, свисая с дивана, частично закрывала его. Капитан отодвинул плащ, но он снова накрыл часть ящика. Мент взял его и хотел сложить, но тут из складок плаща выпала небольшая картонная коробочка из-под лекарства, на ней крупным шрифтом было написано: «Феназепам». Капитан поднял коробочку и стал разглядывать.

– А это что? – спросил он, поворачиваясь к нам. Никто не спешил с ответом. Все растерянно переглядывались друг с другом.

– Юлька, наверно, – предположила наконец я. – У нее же мать больна, наверное, это ее лекарство.

Капитан показал коробочку Юльке.

– Ваша?

– Нет.

Я удивилась.

– Она же из твоего плаща выпала, Юль.

– Так это ваш плащ? – обратился капитан к Юльке.

– Да, мой.

– А коробочка с лекарством не ваша?

– Нет, понятия не имею, откуда она взялась.

– Очень интересно.

Капитан открыл картонку. Внутри оказался белый пластиковый пузырек, пустой, без единой таблетки.

– И где же, позвольте узнать, лекарство? – спросил он.

– А я откуда знаю? Это не мое лекарство.

– Эх, залапал я ее, жалко, – сказал капитан. – Ну, ничего, ваши пальчики, если они там есть, мы все равно разглядим.

Он сунул пузырек и коробочку в прозрачный полиэтиленовый пакет.

– Слушай, Саша, – обратился он к одному из ментов. – Сходи посмотри, если судмедэксперт еще не уехал, пусть придет сюда.

Через некоторое время эксперт появился, глянул на протянутую ему капитаном коробочку, кивнул:

– Очень может быть, что это и есть то самое кристаллическое вещество, которое мы обнаружили в бутылке.

– И оно могло вызвать смерть? – спросил капитан. – Это же лекарство.

– При передозировке многие лекарства становятся ядами,

не мне вам это объяснять. Вот этот феназепам, – врач кивнул на коробочку, – один из сильнейших стимуляторов сердца. Как кофеин, только в десятки раз сильнее.

– Для умирающих, что ли? – поинтересовался капитан.

– Ну, вроде того, – медэксперт кивнул. – Но если умирающему этот препарат может продлить жизнь, то у здорового человека передозировка в сочетании с трахом может вызвать разрыв сердца.

– А он растворяется в коньяке?

– Запросто! – ответил врач. – Слушайте, я сейчас вспоминаю, – он потер ладонь, – у этого феназепама один из лучших показателей растворимости в воде и в спирту. И если он в бутылке растворился не до конца, значит, туда не одну такую коробочку высыпали...

– И получился убийственный раствор, ста граммов которого достаточно, чтобы в сочетании с трахом вызвать разрыв сердца.

– Пожалуй, что так, – согласился судмедэксперт. – Только пока что это все наши предположения. А точную причину смерти я смогу назвать только после вскрытия.

Судмедэксперт ушел, а капитан сел составлять протоколы. Длилось это долго, потому что протоколов было много, допрашивали не только нас с Юлькой, но и Нину Петровну, и двух наших девочек, ставших понятыми при обнаружении коробочки с лекарством, и еще двух, тех, что водили наверх, показывали труп Кости (разумеется, еще до то-

го как его увезли, это делал один из криминалистов, но все протоколы писал капитан), и затем самый длинный, многостраничный протокол – осмотр места происшествия.

Писал капитан медленно, подолгу подбирая нужные слова, зато почерк у него был разборчивый, видимо, натренировался за годы службы. Было уже около восьми утра, когда его попросили к телефону. После разговора капитан вернулся чрезвычайно довольный, тут же сел писать еще один протокол и только потом объявил нам:

– Так, девочки! Вскрытие и экспертиза полностью подтвердили нашу версию: причина смерти – разрыв сердца, в крови большая доза феназепама, и в бутылке с коньяком также найден именно он. Так что, – он усмехнулся, глянув на Юльку, – собирайся, моя красавица, поедem с нами.

Юлька, все это время сидевшая безучастно на своем любимом диване в углу, посмотрела на капитана пристально, и ужас отразился в ее глазах.

– Ну, не сиди, как дура! – рявкнул вдруг на нее капитан. – Собирайся, пошли! Наручниками тебя пристегнуть для красоты?

Юлька вздрогнула, вышла из оцепенения, вскочила, в ужасе глядя на капитана.

– Но я, – проговорила она, – я не убивала его!..

– Ты феназепам в коньяк насыпала?

– Нет, я не сыпала.

– Откуда же он тогда взялся? Откуда у тебя коробка из-

под лекарств в плаще?

– Я не знаю. Да поймите же! – воскликнула она в полном отчаянии. – Зачем мне нужно было его убивать? Он мне ничего плохого не сделал.

– Хрен тебя знает зачем, – невозмутимо ответил капитан. – Чтобы денег заработать, мать у тебя больна, денег нет. Тебе сказали, подсыпь порошок в коньяк, помрет, получишь хорошие деньги.

– Да не было ничего такого.

– Так, собирайся, – теряя терпение, сказал капитан. – Посидишь в СИЗО, подумаешь, может, по-другому заговоришь. В СИЗО люди знаешь как умнеют.

Юлька обвела всех беспомощным взглядом, но не увидела на наших лицах сочувствия. Нина Петровна стояла столбом у стены со злобным и презрительным видом. Девочки прятали глаза, стараясь не смотреть на Юльку.

– Света, ты хотя бы, – проговорила наконец Юлька, и мне стало вдруг до безумия ее жаль.

Вдруг Юлька схватила со стола свою сумочку и стала судорожно рыться в ней.

– Тихо, тихо, тихо! – воскликнул капитан. – В чем там дело? – Он бесцеремонно отобрал сумочку у Юльки и вытряхнул содержимое на стол.

– Мне нужна ручка и листок бумаги! – Видимо, Юльке уже было на все наплевать.

– Держи, – ухмыльнулся капитан. – Вот ручка, вот бумага.

Что дальше?

Юлька, не обращая на него внимания, стала что-то быстро писать.

– Так, тихо, – сказал капитан, заглядывая в листок. – Что это такое?

– Адрес моей матери, козел ментовский.

Капитан снова ухмыльнулся. Казалось, Юлькины грубости доставляли ему удовольствие.

– Света, – Юлька робко посмотрела на меня, – вот адрес. – Она протянула листок и связку ключей. – Это от дома, к матери моей зайди, объясни ей все. Она ничего не знает, ты ей расскажи. Скажи, что это поклеп на меня, никого я не убивала. И, если сможешь, помоги ей немного.

Юлька потупилась. Я поняла, что должна буду на свои деньги покупать для ее матери лекарства. Но я не Джордж Сорос, едва на себя хватает. А тут еще чужая мать. И как она к этому отнесется, эта мать, если я, гостиничная путана, буду ей морфий покупать? Ругаться еще начнет, оскорблять, стыдить. Да ну, на фиг мне все это нужно. Пословицу не зря придумали: «Не делай добра, не проживешь врага».

– Ладно, хватит, – властно сказал капитан. – Попечались, и будет. Пошли, – сказал он Юльке. – Руки за спину, выше голову, не сутулиться. – Он ухмыльнулся, крайне довольный своим остроумием. – Прощайте, красавицы. Как-нибудь обязательно загляну к вам в гости. – Он громко расхохотался и вышел из комнаты.

Я пошла посмотреть, как будут Юльку сажать в милицѣйскую машину. Больше никто не сдвинулся с места.

3

Когда я вернулась, обсуждение случившегося было в самом разгаре. Девочки говорили все разом, стараясь перекрыть друг друга. Казалось, они вот-вот подерутся. Впрочем, в нашей комнате всегда стоял шум, когда там оказывалось больше трех девочек сразу.

При моем появлении воцарилась полная тишина. Все уставились на меня. В другое время я бы возмутилась: «Какого хрена, мол, тарашитесь», но сейчас не чувствовала ничего, кроме безразличия и усталости. Прислонилась в полной растерянности к дверному косяку, не зная, что делать дальше.

– Ни за что не поверю, чтобы Юлька, такая честная и порядочная, могла убить, – сказала Наташа.

Наташа была одной из старейших путан. Ей перевалило за тридцать пять. Но благодаря массажу и питательным маскам, на что уходила львиная доля заработка, ей удавалось выглядеть вполне привлекательной. Некоторые клиенты, особенно юные, предпочитали ее тем из нас, кто помоложе, чувствуя с ее стороны, наверное, что-то вроде материнской любви. Но при ярком солнечном свете и без косметики Наташа выглядела облезлой кошкой, и не знаю почему, но мы с ней друг друга терпеть не могли и по возможности не упускали случая обменяться колкостью. Она и еще Лилька, дама тоже за

тридцать, закадычная подруга Наташки, были моими непримиримыми врагами.

– Конечно, на Юльку такое совсем не похоже, – вторила Лилька подруге.

– Но коробочка с ядом оказалась в кармане ее плаща, – возразила Лена, считавшаяся у нас русской красавицей, – огромного роста, полная, с круглым, как луна, лицом. Многие мужчины были от нее без ума. Специально приезжали в нашу гостиницу, чтобы снять Лену.

– Коробочку мог кто угодно подсунуть, – невозмутимо возразила Наташа. – Классический способ кого-нибудь подставить. Переложить вину на другого.

Наташа в свободное от работы время зачитывалась детективами, причем самыми пошлыми и самыми глупыми.

– С коробочкой вообще какой-то блеф, – произнесла я задумчиво. – Медэксперт сказал, что в бутылке растворили несколько таких упаковок. Почему же в плаще нашли только одну?

– Остальные наша Юленька успела выбросить, – заметила Наташа, криво усмехнувшись.

Я почувствовала досаду и раздражение. Вечно она мне противоречит и в большом, и в малом.

– А таблетки, – спросила я, – куда она их дела? Если она опустошила коробочки с лекарствами еще здесь, в гостиной?

– А кто сказал, что именно здесь?

– Юля высыпала таблетки на ладонь, – сказала Лилька, –

зажала в кулак и пошла в номер Кости.

– Не заметила, чтобы Юлька возилась с какими-то коробочками! А я все время торчала в нашей комнате.

– Значит, плохо смотрела. – Наташа оставалась невозмутимой.

Я покачала головой.

– Нет, девочки, как хотите, но концы с концами не сходятся. Когда я принесла коньяк в номер, Костя сразу схватил бутылку. У Юльки просто времени не было подсыпать таблетки. Даже если бы она и держала их наготове зажатými в кулаке. Тем более непонятно, когда она могла это сделать, если Костя все время был в номере? И как она стала бы раздеваться, держа в руке таблетки?

– В таком случае, – нагло улыбаясь, заявила Наташа, – их подсыпал кто-то другой.

– Например, тот, кто отнес в номер коньяк, – вставила Лилька.

Я ошалело посмотрела на них.

– Да пошли вы обе на хрен, дуры! – воскликнула я. – Зачем мне нужно было убивать Костю?

– Ну, мотив мог быть тот же самый, что и у Юльки, – философски заметила Наташа. – Тебе предложили его убрать за хорошие деньги.

– Слушай, тебе надо меньше дерьмовых детективов читать.

– Что я читаю, не твое дело, – вскинулась Наташа.

– Тихо, девочки, – произнесла Нина Петровна властно, – не надо скандалить. А на вас, Света, лежит подозрение. Мотив для убийства у вас очень серьезный. Возможность для его совершения у вас была.

– Да дуры вы все! – воскликнула я в ярости. – У меня достаточно доходов, чтобы я на мокрое дело еще решилась.

– Не трепись, Света, – нагло ухмыльнулась Наташа. – Денег никогда не бывает достаточно. Денег всегда или очень мало, или совсем нет.

– Она права, – заметила Нина Петровна. Не без душевного трепета видела я, как взгляды всех девочек устремились на меня. И в этих взглядах ясно читалось, что они все всерьез считают меня убийцей Кости.

– Знаете что, – сказала я спокойно и твердо, – если уж на то пошло, мотив для убийства и возможность его совершить был у многих. Например, у вас, Нина Петровна.

– Что?!

– А ничего. – Я чувствовала, что иду ко дну, но мне было на все плевать. Я не смогла спокойно выносить взгляды, в которых читалось: «Убийца». – Или вы думаете, я не слышала, как вы ругались с Костей, требовали, чтобы он вернул вам деньги за испорченную постель. Вы обещали включить счетчик и даже убить его. Думаете, я не слышала? И вы, между прочим, сами открывали бутылку. И меня за ножом на кухню посылали. Когда я вернулась, бутылка уже была открыта и нож не понадобился. И у вас было достаточно времени, что-

бы всыпать таблетки в бутылку и сунуть коробочку в карман Юлиного плаща.

Ужас и недоумение отразились на лицах девочек, даже ядовитая усмешка на лице Наташи уступила место гримасе страха. Нина Петровна сначала побагровела, потом побледнела и выпучила глаза, лоя ртом воздух. Наконец все же справилась с собой.

– Ну, знаешь, – проговорила она сдавленным голосом, – ты или сошла с ума, или вконец обнаглела. И в том, и в другом случае тебе нечего больше делать в нашей гостинице.

Она хотела выйти из комнаты, но я преградила ей дорогу.

– Валяйте, – крикнула я со злостью. – Увольняйте меня. Только имейте в виду, молчать в тряпочку я не буду. Пойду к ментам и расскажу и про вашу ссору с Костей, и про счетчик, и про бутылку. Все расскажу.

Нина Петровна еще больше побледнела и тяжело опустилась на диван. Я тоже вдруг почувствовала потребность сесть и стала пробираться к одному из диванов в дальнем углу, где было свободное место. И вдруг зацепилась за что-то твердое и громоздкое. Больно ушиблась.

– Ай, блин, сволочь! – воскликнула я в ярости, потирая ушибленную ногу. – Что еще за дерьмо здесь валяется?

Это оказался ящик с коньяком, что принес Артак.

– Артак вонючий, – продолжала я ругаться. – Приволок эту херотень, второй раз уже за нее цепляюсь. Неужели трудно ее куда-нибудь убрать?

Мне никто не ответил. А Наташа вдруг сказала:

– А что, Косте коньяк Артака принесли? Из этого ящика?

– Да, вроде бы, – отвечала ее подружка.

– Так, может, яд подсыпал Артак?

– Ну да, в каждую бутылку, – заметила я не без сарказма. –

Чтобы мы тут все потравились.

– Света права, – заявила Лена, русская красавица. – Вряд ли в этом случае яд достался бы именно Косте!

– А кто сказал, что именно Костю собирались травить? – возразила Наташа. – Разве у Артака был мотив?

– Был, – сказала я. – Сама видела, как Костя с Артаком схватились у входа и Артак обещал Косте уши отрезать. За то, что тот регулярно клиентов у него перехватывает.

– Значит, Артак и заказал кому-нибудь Костю, – сказала Лена, русская красавица. – Той же Светке сунул деньги, чтобы она ему яда подсыпала.

– Из-за этого человека убивать. – Я пожала плечами. – Артак не похож на кровожадного зверя.

– Вы не знаете этих черных, – возразила Наташа. – Неподалеку от нашего дома случай был: на автобусной остановке какой-то армянин продавал пиво в бутылках, а рядом – ларек, где торговали немецким баночным пивом. И так как у армянина пиво было дешевле, баночное в ларьке никто не брал. И вот однажды хозяин ларька подошел к армянину и говорит: «Давай забирай свои ящики и вали отсюда. А не уйдешь, я своих ребят позову. Они каждую бутылку о твою

башку разобьют». Армянин, ни слова не говоря, вытащил пистолет и пристрелил его прямо на тротуаре. Вот как у них, у черных, дела делаются.

– А, кстати, с кем он сегодня спал? – спросила Лилька. – Ведь он приходил, я его видела.

– Со мной, – отвечала я. – Только все равно вы дуры.

В комнате воцарилась тишина: на пороге появилась Оля. Вид у нее был какой-то странный. Она обвела всех невидящим взглядом и, дойдя до середины комнаты, направилась к дивану и села. Я думала, Нина Петровна отправит Ольгу на кухню, но та, бросив на Ольгу взгляд, опустила голову, видимо, эта история с гибелью Кости и ей дала по мозгам.

– Лица мне его так и не показали, – сказала Оля ни к кому не обращаясь. – Но говорили, рот приоткрыт, глаза стеклянные.

– Вон у Светки подробности спрашивай, – отозвалась Наташа. – Она все видела.

Ольга словно не слышала этих слов. А я, глядя на нее, думала, что вот еще у кого мог быть мотив убийства и возможность его совершить. Еще не факт, что об этом знала одна только я. Костя последнее время часто ее оскорблял при всех. И вполне возможно, не мне одной жаловался на судьбу. Наедине со злополучной бутылкой она тоже оставалась. И неизвестно, видел ли кто-нибудь, кроме меня, ее манипуляции со стаканом.

– А может быть, это Ольга все устроила, – предположила

Лена. – Подсыпала яд, чтобы отравить Юльку. А яд достался Косте.

Нет, Лена все-таки феноменальная дура. И это поняли все, потому что ей никто не ответил. На мгновение снова воцарилось молчание.

– Слушайте, девочки, – сказала я, – Юльку из тюрьмы вытаскивать надо. Она здесь явно ни при чем.

– Тебе это проще всего сделать, – усмехнулась Наташа. – Пойди к ментам и расскажи, как все было. Тебя посадят, а ее выпустят.

– Она ухитрится, – сказала Лилька, – кого-нибудь из нас вместо себя и Юльки ментам подсунуть. Ведь они с Юлькой подружки.

Я вдруг почувствовала смертельную усталость. На лицах девочек прочла враждебность. Они уверены, что это я убила Костю. И бесполезно их переубеждать. Все равно никто не поверит, даже Оля.

Глянув на часы, я обнаружила, что уже позднее утро, и тут же почувствовала головную боль и тяжесть в груди, как всегда, после бессонной ночи. Поэтому решила, что пора отправляться домой. Только не к себе, а к Юлькиной маме. Листочек с адресом лежал у меня в сумочке, а в кармане вместе с ключами от моей квартиры Юлькины ключи.

4

До Юлькиного дома надо было ехать целый час на вонючем автобусе. После бессонной ночи, кофе и сигарет меня мутило, думала, вот-вот вырвет. При этом безумно хотелось курить. Но я терпела, зная, что станет еще хуже.

От автобуса пришлось еще минут десять идти пешком, и прогулка пошла мне на пользу. От свежего воздуха тошнота исчезла, прояснилась голова. Дом, где жила Юлька, оказался небольшим двухэтажным деревянным строением, крашенным желтой краской. Выстроенный вскоре после войны, он очень напоминал барак. Как можно жить в таком?

Я вошла в подъезд, поднялась на второй этаж. Обшарпанная общая дверь, которую я хотела открыть ключом, оказалась незапертой, за ней шел длинный, узкий коридор с потертыми дощатыми полами. В темноте были видны двери жилых комнат. Самая настоящая коммуналка. Я и не думала, что они до сих пор сохранились.

Разумеется, табличек на дверях не было. И хотя Юлька написала на листочке «квартира 10Б», я понятия не имела, как определить, где А, где Б, а где В. Все три выходящих в коридор двери оставались безмолвными, никто не показался из них, когда я вошла в квартиру. Так что спросить было не у кого. Я в растерянности прислонилась к стене, не зная, что делать.

Внезапно за одной из дверей, ближней к выходу, послышались шорох и чьи-то шаги. Я решила было постучать туда и спросить, где живет Юлькина мама, потом вспомнила, что не знаю Юлькиной фамилии. А для чего, собственно, дала мне Юлька ключи? Разве ее мать сама не может открыть? Значит, не может. Значит, парализована. Потому и дала мне Юлька ключи. Но если Юлькина мать не может двигаться, то шорох и шаги в ближайшей к выходу квартире означают, что там живут Юлькины соседи. Я приободрилась, надеясь, что методом исключения смогу найти нужную дверь.

Вытащив из сумочки ключи, я стала их рассматривать. Ключей было три. Один большой, старый, с пятнами ржавчины, был, несомненно, от входной двери. Два других, поменьше, поблескивали и имели замысловатую бороздку. Такая бывает далеко не во всех замках, решила я и стала обследовать вторую дверь, между кухней и комнатой – может, к ней подходят ключи. Но при ближайшем рассмотрении обнаружила, что на ней вовсе нет замка. А в косяке торчат три ржавые шляпки больших гвоздей. Вторая дверь была наглухо заколочена. Там никто не жил. Тогда я решительно подошла к третьей, ближайшей к кухне двери. Ключи были от нее, и я без труда открыла.

В нос ударил тяжелый спертый воздух. Чем только здесь не пахло. Закружилась голова, к горлу подступила тошнота. Видимо Юлька, чтобы заглушить зловоние немывтого разлагающегося тела, регулярно обрабатывала комнату француз-

скими духами. Но тонкие дорогие ароматы не уничтожали зловония, наоборот, от этой смеси запахов невозможно было дышать.

В комнате царил полумрак. Заглянув, я обнаружила, что шторы плотно задернуты и солнечный свет едва пробивается сквозь них. Постепенно глаза привыкли к полумраку, и я разглядела довольно просторную, с высокими потолками комнату, большой обеденный стол у окна, шкаф, тумбочку, на ней телевизор. У стен друг против друга стояли две старинные, с высокими резными спинками кровати. Одна, видимо, Юлькина, сейчас пустовала. На другой лежала женщина. Едва я вошла, как услышала тихий стон. Затем едва слышимый голос:

– Это ты, Юля? Который час?

– Нет, это не Юля. Это ее подруга.

Женщина приподнялась на локте, остановила на мне пристальный взгляд.

– Не Юля... А где же Юля?

Я не в силах была вымолвить даже слово.

– Как вы сюда попали? – не дождавшись ответа, снова спросила больная.

– Мне Юлька ключи дала, – проговорила я наконец.

– А где все-таки Юля?

У меня опять отнялся язык.

– Понятно, – произнесла женщина, – опять загуляла.

Я растерялась. Неужели она знает, как ее дочь зарабаты-

вает на жизнь? Если так, то почему загуляла? Гостиничные путаны не гуляют. Их снимают на несколько часов, в лучшем случае до утра. И только в гостинице.

– Вы не представляете, – продолжала Юлькина мама, – какая Юля бессовестная лгунья. Она ведь ни одной ночи не проводит дома. Говорит, такой график дежурств. Думает, я ничего не понимаю. А теперь вот и днем исчезла.

Я пожала плечами. А чего, собственно, она хочет? Такая у нас работа.

– Скажите, это опять с тем доктором, да? – Юлькина мама внимательно на меня посмотрела.

Доктором? Почему доктором? Что за бред? Но во взгляде женщины были боль и мольба, и я соврала:

– Да, с тем доктором.

– Так я и знала, – сказала Юлина мама. – Она мне говорила, что один доктор, молодой, талантливый, ухаживает за ней, я сразу предупредила ее, чтобы была осторожна. Мужчины легко дают обещания. И так же легко о них забывают. Так оно и вышло.

Да, Юлька была та еще фантазерка. Это я давно заметила.

– Вы, наверное, вместе работаете, да? – Я кивнула. – Тоже медсестра, значит?

Тут я все поняла. Неплохо придумала Юлька: дежурная медсестра. Просто и гениально. И морфин где берет, ясно – ворует на работе. На нищенскую зарплату медсестры его не будешь регулярно покупать.

– Послушайте, – вновь заговорила Юлькина мама. – Сделайте, пожалуйста, мне укол. А то, знаете, снова начались боли. В груди будто огнем жжет. Сделайте, пожалуйста. Все, что нужно, вон там на столе.

Ноги у меня сделались ватными. Не знала я, что Юлька подложит мне такую свинью. Но деваться некуда.

Как делать уколы, нам как-то объясняли в школе на уроках военной подготовки. В то время как мальчишки разбирали и собирали автомат и примеряли противогазы, девочек обучали оказанию первой медицинской помощи. Учили перевязывать, накладывать бинты и делать уколы. Бинты были старые, пожелтевшие от бесконечных перематываний. Перевязки такими настоящую рану, тут же будет гангрена и заражение крови. Как делать уколы, нам объяснили, но знали мы это чисто теоретически, поскольку желающих испытать на себе такое удовольствие никогда не находилось.

Вообще-то при виде блестящей тонкой медицинской иглы у меня холодело в груди, а от мысли, что она вот-вот вонзится в тело, кружилась голова.

– Пожалуйста, – умоляла женщина, – ну что вам стоит? А то у меня такие боли.

– Хорошо, сейчас, – вздохнула я. – Надо так надо.

На столе нашла коробку с ампулами морфина. Единственный одноразовый шприц. Бутылку с медицинским спиртом и пачку ваты. В растерянности разглядывала все это хозяйство, не зная, с чего начинать.

– Вы знаете, как Юля делала? – спросила женщина. – Она сначала промывала шприц в воде, затем в спирту, и только после этого наливала лекарство.

Я так и сделала. Подвигав поршень в шприце, чтобы удалить из него капельки спирта, кое-как вскрыла ампулу и набрала лекарство. Постаралась, чтобы в шприце не осталось пузырьков воздуха.

– А куда она вам их делала? – спросила я, подходя к кровати. Только бы не внутривенный. С этим я ни за что бы не справилась.

– Внутримышечно, как обычно, – проговорила Юлина мама, сбросив одеяло и перевернувшись на живот.

Труднее всего оказалось проткнуть кожу, сморщенную, словно пергаментную, вялую, старческую. В дряблое тело игла вошла легко. Небольшой бугорок вздулся на месте укола, когда я выдавила лекарство из шприца, и из-под иглы выступила крохотная капелька крови. Я стерла ее смоченной в спирту ваткой.

– Ох, ох, – застонала женщина, – больно вы делаете.

Потом я мыла руки, убирала осколки ампулы, кормила прямо в постели Юлину маму завтраком. Поела она через силу, без аппетита, только потому, что надо жить, зато почувствовала прилив сил. После укола утихла.

– А Юлька когда появится? – проговорила она почти весело. – Или она с доктором этим надолго?

– Наверно, – я пожала плечами. – Она мне об этом ничего

не сказала, только попросила за вами ухаживать.

– Вы разве его не видели? – глаза Юлиной матери заблестели любопытством. – Какой он хоть из себя, красивый, нет?

– Мордатый такой, плешивый и борода лопатой, – бросила я небрежно. – А раньше она тоже задерживалась?

Юлина мама задумалась.

– Нет, не помню такого. Обычно она утром приходит часов в девять и тут же ложится спать. Но спит часа два-три, не больше. Наверное, на дежурстве есть возможность поспать.

Я кивнула. Бывает и так.

– А сюда к ней никто не заходил из мужчин? – поинтересовалась я.

– Да бог с вами, – Юлина мама рассмеялась. – Кого сюда можно приводить на это позорище смотреть?

– И тот доктор, значит, не появлялся?

– Нет, они на работе встречаются, – сказала она. – Так Юля говорит. А вы что, не знаете?

– Видела со стороны, – отвечала я. – Юлька вообще очень скрытная.

– Да что вы, – усмехнулась она. – Наоборот, простодыра, что на уме, то и на языке. Про этого доктора давно мне рассказывала. И вот только теперь что-то серьезное у них вышло.

– А родственники у вас есть? – спросила я. – Послушайте, я ведь не патронажная сестра. И не могу к вам каждый день

ходить. У меня своих дел полно.

– Да какие там родственники, – сказала Юлина мама грустно. – Только те, что в деревне, далеко, двести километров от города. Раз в полгода приедут, напьются, надебоширят, весь дом на уши поставят. Потом две недели участковый ходит. На жалобы соседей «реагирует».

Я кивнула. С этим все было ясно. Юлина мама не знала, чем занимается дочь. И уж тем более о ее связях с криминальным миром, если таковые и были. Но в этом я очень сомневалась. Из слов матери следовало, что Юлька делила свое время между гостиницей и домом.

– Продукты мне соседи принесут и приготовят, – сказала больная. – Деньги у меня кое-какие есть, я вам заплачу. Вот только уколы... Всего раз в день, вечером перед сном. Днем я как-нибудь потерплю.

Я вздохнула. Вспомнила, как целый час ехала сюда автобусом.

– Послушайте, – сказала я, – лекарство у вас есть?

Я подошла к столу, пересчитала ампулы в коробке. Их оставалось пять штук, стало быть, на пять дней.

– Может быть, хватит на первое время? – предположила Юлькина мама. – А потом... Вы, кстати, можете украсть морфин, как Юля?

– Могу, – ответила я. – Только не целый вагон.

– Это пока Юля вернется. Не навсегда же она ушла с этим доктором, – с надеждой проговорила больная.

Я снова кивнула. Одну только просьбу Юльки я точно не могла выполнить. По крайней мере сейчас, рассказать матери все как было на самом деле. Это еще одна веская причина вытаскивать Юльку из тюрьмы. Не вечно же мне за ее больной матерью ходить.

– Ну что ж, я пойду тогда, – сказала я, поднимаясь.

– Да-да, конечно.

– Я завтра приеду, только не днем, а вечером. Часов в шесть, позже никак не могу.

– Да-да, приходите, я буду ждать, – сказала женщина. – Без вас никак не смогу. Я бы попросила соседку сделать укол, но не умеет она, боится иглы.

Я поспешила к выходу. Когда проходила мимо соседской двери, она со скрипом приотворилась и в щели показалась старушечья физиономия и один-единственный глаз, пристально и враждебно глядящий на меня. Я хотела поговорить с ней, вдруг она что-то знает. Но едва приблизилась к двери, как та с шумом захлопнулась и щелкнул замок. Так, толком ничего не узнав, я отправилась домой.

5

Проснувшись после короткого, но глубокого сна, я некоторое время лежала с открытыми глазами. Какие-то неясные мысли и образы, привидевшиеся мне во сне, вызвали беспокойство. И сейчас я пыталась понять, осмыслить, откуда оно, и тут до меня дошло, что мне снились события вчерашней печальной ночи. Вернее, не события, а люди.

Мертвый Костя с открытым ртом и остекленевшими глазами, Юлька с безучастным видом сидящая в комнате отдыха, Артак, который схватился с Костей, Нина Петровна, неожиданно появившаяся на пороге, Ольга, прикасавшаяся крашеными губами к стакану, и, наконец, я сама. И снова по кругу, как в стишке «У попа была собака». Костя, Юлька, Артак, Нина Петровна, Ольга и я. Кто еще?

Действительно, кто еще? Кто был заинтересован и имел возможность подсыпать лекарство в бутылку коньяка, предназначенного для Кости? Вряд ли это сделала Юлька. Но коробочка из-под лекарства выпала из ее плаща, от этого никуда не денешься. И вполне мог иметь место заказ от какого-нибудь криминального авторитета. От кого именно? Я терялась в догадках.

Заказчиком убийства мог быть Артак. У него и мотив имелся, пусть не очень серьезный. Да и не похож Артак на убийцу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.